

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО БУДДИЗМА МАХАЯНЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ФО ГУАН» (СВЕТ БУДДЫ)

БУДДИЗМ В ПЕРЕВОДАХ

АЛЬМАНАХ

Выпуск 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„АНДРЕЕВ И СЫНОВЬЯ“

1992

**«ПОДЛИННЫЕ СОБЫТИЯ»
И «ДОСТОПАМЯТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ»
(Сборники буддийских коротких рассказов «сяошо»)**

Настоящая публикация знакомит читателя с весьма интересным, но основательно забытым литературным явлением. Подборки китайских коротких рассказов — «сяошо» неоднократно издавались в русских переводах¹. Между тем китайские короткие рассказы буддийского содержания, буддийские сборники «сяошо» все еще известны лишь узкому кругу специалистов по истории китайской литературы.

В период Шести династий (229—589) из общего потока китайской литературы исторического, философского и географического содержания выделилась повествовательная проза малых форм, объединенная в ряд сборников. В основе этих сборников — короткий (нередко в две-три фразы) рассказ о таинственном и необычайном, занимательном и комическом, почерпнутый или из жизнеописаний исторических деятелей в династийных историях и других исторических источниках, или из фольклорных источников, восходящих к легенде, сказу, преданию, анекдоту. Короткий рассказ III—VI вв. запечатлевает занимательное событие как бы само по себе, не привнося в него назидательного смысла или дидактического оттенка, что и служит основанием для определения его как сюжетной прозы.

Становление «сяошо» приходится на период все возрастающего влияния буддизма во всех сферах жизни китайцев. Буддийские темы и образы, персонажи и реалии активно проникают в литературу «сяошо», отчетливо прослеживаются в таких классических ее образцах, как «Новое изложение рассказанного в миру» («Ши шо синь юй») Лю Ицина (403—444), «Продолженные записи о поисках духов» («Соу шэн хоу цзи») Тао Юаньмина (365—420) и др. На рубеже IV—V вв. появ-

---

¹ Последняя и наиболее полная подборка китайских коротких рассказов была издана под поэтическим названием «Пурпурная яшма (см.: Пурпурная яшма: китайская повествовательная проза I—VI вв. Пер. с кит./Сост., ред., пер., коммент. Б. Рифтина.— М., 1980) и сразу по выходе в свет стала библиографической редкостью.

ляются сборники полностью буддийского содержания, предназначенные для широкой публики, призванные возбудить религиозное чувство в тех, кто «не чтит Будду», укрепить в вере его почитателей. Буддийские сборники должны быть отнесены к типу рассказа, который в традиционной китайской филологии именуется «чжигуай сяошо», или «рассказы о чудесах», но с одним существенным отличием: в них отчетливо прослеживается дидактическое содержание, нравоучительный смысл. Литература буддийских «сяошо» открывает перед читателем поистине уникальную возможность составить представление о популярном, или «низовом» китайском буддизме наиболее раннего периода IV—V вв. Популярный, или «низовой» буддизм, в котором преобладают иррациональный элемент, религиозная фантазия, мистицизм, тяготеет к массовым «примитивным» формам сознания и мало напоминает нам высокоорганизованный буддизм ученой монашеской элиты, известный по многочисленным литературным образцам¹. Но именно этот буддизм был и остается основной формой конфессии в Китае и других странах буддийского ареала.

Литература буддийских «сяошо» дошла до нас с существенными потерями: одни сборники были вовсе утрачены, другие сохранились не полностью либо в кратких фрагментах. Без каких-либо потерь дошла до нас только серия сборников, рассказывающих о покровителе страждущих бодхисаттве Гуаньшиине-Авалокитешваре. Утраченные в Китае, эти сборники хранились в библиотеках японских монастырей и были вновь открыты полстолетия назад². Серия о Гуаньшиине представлена тремя сборниками: «Записи свидетельств об Авалокитешваре» («Гуаньшиинь иньянь цзи») Фу Ляна (374—425), «Продолженные записи свидетельств об Авалокитешваре» («Сюй Гуаньшиинь иньянь цзи») Чжан Яня (вторая половина V в.) и «Сведенные воедино свидетельства об Авалокитешваре» («Си Гуаньшиинь иньянь цзи») Лу Гао (459—532). В нее входит в общей сложности 86 кратких сюжетов, рассказывающих о том, как в определенной критической ситуации (плен, казнь, пожар, болезнь, нашествие злых духов и т. д.) страждущий (неприменно реальный исторический персонаж) возносит молитвы Гуаньшииню, и бодхисаттва приходит ему на помощь.

Впрочем, если бы мы располагали только серией сборников об Авалокитешваре, то составили бы о литературе буддийских «сяошо» несколько поверхностное и явно одностороннее пред-

---

¹ См. например: Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Пер. с кит., исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермакова. Т. I (Раздел I: Переводчики).— М., 1991.

² Цукамото Дзэнрю, Коицу Рикутё «Кандзэон окэнки» — но суцугэн (Обнаружение утраченных в древности «Гуаньшиинь иньянь цзи» периода Лю-чао).— «Silver Jubilee Volume of the Zinbunkagoku Kenkyusyo», Kyoto, 1954.

ставление. Если не исчерпывающее, то вполне отчетливое представление о литературе буддийских «сяошо» позволяет составить сборник Ван Яня (ок. 450 — ок. 500) «Вести из потустороннего мира» («Мин сян цзи»). Мы располагаем 131 сюжетом и авторским предисловием, что составляет едва ли не большую часть от первоначального объема сборника, как, впрочем, и от сохранившейся коллекции буддийских «сяошо» в целом. Обширные выдержки из сборника Ван Яня приведены в позднейших собраниях, и в первую очередь в буддийском своде VII в. «Роща драгоценностей парка Закона» («Фа юань чжу линь»). Подборку, сверку и научную публикацию этих выдержек в своем археографическом труде «Изыскания по старинной прозе» осуществил Лу Синь¹.

Издание сборника Ван Яня на русском языке ожидается в скором времени. Настоящая публикация ставит перед собой задачу познакомить читателя с двумя другими сборниками буддийских «сяошо» дошедшими о нас в кратких фрагментах.

«Подлинные события» («Сюань янь цзи») составлены уже известным нам Лю Ицином, который приходился племянником основателю династии Сун (420—479) императору У-ди (420—423). Большая часть из 35 сюжетов, которыми в настоящее время представлен памятник, посвящена излюбленному персонажу буддийских «сяошо» — бодхисаттве Гуаньшииню-Авалокитешваре, который выступает все еще в мужском (а не женском, как впоследствии) облике. Значительное место в «Подлинных событиях» отводится теме вотивных предметов (статуи, ступы, а в контексте буддийских «сяошо» также и канонические сочинения-сутры), культ которых во многом определяет содержание популярного китайского буддизма.

«Достопамятные происшествия» («Цзин и цзи») составлены придворным историографом Хоу Бо (вторая половина VI в.) по приказу императора династии Суй (581—618) Вэнь-ди (581—604). Помимо сюжетов о вотивных предметах и бодхисаттве Гуаньшиине, сюда вошли короткие рассказы житийного содержания, посвященные буддийским подвижникам.

Перевод основывается на тексте обоих памятников, приведенном в подборке Лу Синя². В круглых скобках в тексте перевода даются европейские соответствия китайским датам и краткие пояснения переводчика. Подробные примечания вынесены за текст перевода. Переводчик попытался адекватно передать

---

¹ Лу Синь. Гу сяошо гоучэнь, Пекин, 1953, с. 373—458; подробнее о сборнике Ван Яня и о нем см.: М. Е. Ермаков. Биографическая и житейская литература раннего китайского буддизма.— «Буддизм: проблемы истории, культуры, современности». М., 1990. С. 185—205; М. Е. Ермаков. Об авторе «Мин сян цзи».— «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. I, М., 1990. С. 20—28.

² См.: Лу Синь. Гу сяошо гоучэнь. С. 361—371, 459—465.

стиль буддийских «сяошо», близкий к стилю китайского исторического повествования того времени, но с усиленной разговорной интонацией, проявляющейся, в частности, в многочисленных диалогах.

«ПОДЛИННЫЕ СОБЫТИЯ»

(«Сюань янь цзи»)

(1) Чжан Юн, по прозванию Маоюй, был уроженцем округа Бохай. В годы правления династии Цзинь (265—420) под девизом Сянь-нин (275—280) у его сына и невестки родился мальчик. Поначалу он ничем не выделялся, но к семи годам умом и сообразительностью превзошел других детей. Маоюй любил пострелять из лука. Он приказывал слугам отыскивать и приносить ему стрелы, но те мешкали. Тогда внук предложил:

— Я сам буду приносить Вам стрелы, дедушка.

Как только начались стрельбы, внук уже был тут как тут: он находил все до единой стрелы и возвращал их деду. Присутствующие при этом были удивлены. А когда они вернулись домой, внук вдруг заболел и умер. Позвали шрамана (монаха) воскурить благовония. Появился праведник-варвар и сказал так:

— Поскорее захороните внука! Это — злой демон-ракшас. Он пожирает людей!

Помня о том, как внук хватал стрелы, дед немедленно закрыл крышку гроба. И тотчас раздался звук, как будто кто-то внутри него ворочается. Домашние были удивлены и крайне напуганы. Они спешно совершили погребение. Потом внук несколько раз являлся деду. Но тот стал исполнять Восемь заповедей¹, и видение исчезло.

(2) Однажды в годы правления династии Цзинь под девизом И-си (405—418) праведники столичного монастыря Хуэй-сян и Фа-сян находились вместе в монастырской зале. В четвертую ночную стражу (1—3 ч) Хуэй-сян подозвал Фа-сяна к себе. Фа-сян пошел посмотреть и увидел Хуэй-сяна, который лежал вверх лицом с руками, сложенными на груди, и вытянутыми ногами.

— Можешь развязать путы на моих руках и ногах? — спросил Хуэй-сян.

— На тебе нет никаких пут, — сказал Фа-сян.

Тогда Хуэй-сян смог двигаться и рассказал, что толпа людей связала его по рукам и ногам и избивала кнутом, приговаривая: «Почему ты убиваешь вшей!?» Они сказали Хуэй-сяну,

что если он не прекратит, его расплющат между двумя камнями.

После этого Хуэй-сян соблюдал запрет на убиение вшей, но других успехов на религиозном поприще у него не было.

(3) Ань Сюнь происходил из семьи Лу и был уроженцем округа Уцзюнь. В десять лет мальчик тяжело заболел.

Не помогали самые лучшие лекарства: ему день ото дня становилось все хуже. Монах монастыря Тайсюаньтайсы Фа-цзи сказал Ань Сюню так:

— Боюсь, что твоя болезнь происходит от дурной кармы. И никакой лекарь ее не исцелит. Я, бедный странник, полагаюсь на сутру, которая гласит: «Если попадете в тяжелое положение, положитесь на Три драгоценности (Будда, его учение и община), кайтесь в своих прегрешениях, и вы обретете спасение». Отбросьте все дурное и суетное, очиститесь от мирского тлена и сосредоточьтесь на одном! Тогда Вы непременно выздоровеете.

Ань Сюнь так и поступил. В собственном жилище он устроил пост Гуаньшиню-Авалокитешваре. С чистыми помыслами обратил он свои мольбы к бодхисаттве, превозмогая болезнь, отбивал поклоны, сосредоточил мысли на причинах и следствиях. На седьмую ночь Ань Сюнь вдруг увидел золотую статую высотой более чи (1 чи — 0,33 м). Он три раза погладил статую от головы до ног и почувствовал, как болезнь покидает его. Поскольку ему было явлено чудо, Ань Сюнь тут же пожелал уйти в монахи. Он отыскал монастырь Тайсюаньтайсы, трудился на религиозном поприще, не ведая усталости. Ань Сюнь зачитывал сутру Цветка Закона, питался только овощами, соблюдал долгий пост. В продолжение тридцати семи лет он постоянно устремлял свои помыслы на перерождение в небе Тушита². В шестнадцатом году правления династии Сун (420—479) под девизом Юань-цзя (440) он покинул столицу. О последних годах его жизни ничего неизвестно.

(4) В первом году под девизом правления Юань-цзя (424) сотня горных разбойников напала на окружную управу в Цзянъани. Они грабили народ, брали в плен детей и женщин. Разбойники пришли в буддийский храм, чтобы похитить драгоценности. Все подношения хранились в одном помещении. Разбойники распахнули дверь. И тут из высокой бамбуковой корзины с одеждой вылетел рой в несколько десятков тысяч пчел. Пчелы в тот же миг облепили разбойников с головы до ног и стали кусать. Искусали так, что глаз не было видно. Разбойники оставили украденное и бросились бежать. А пчелы летели за ними и жалили по дороге. Разбойники перепугались и ушли насовсем. Дети и женщины, которые были ими пленены, все вернулись в свои семьи.

(5) В годы правления династии Сун под девизом Юань-цзя (424—453) в округе Усин случился пожар. Дотла сгорело несколько сотен домов. Была лишь соломенная хижина, где зачитывали сутры. Она-то и не сгорела. Люди посчитали это чудом.

(6) Чэ Му отправился в северный поход, был схвачен варварами и находился в плену в лагере разбойников. Его мать принялась поклоняться Будде, поставила перед его ликом семь светильников. Она днем и ночью взывала к Гуаньшиню, молила о том, чтобы сыну удалось спастись. Прошел год. И вдруг сын вернулся. Семь дней и семь ночей шел он один на юг. Когда небо закрылось тучами, куда было идти — неизвестно. Вдруг он увидел семь факелов и пошел на огни. Казалось, он вот-вот увидит их вблизи, да не тут-то было. Так прошли семь ночей, и он, неизвестно как, оказался дома. Он увидел, что мать лежит ничком перед ликом Будды, а перед ней семь светильников. Тогда-то ему все и открылось. Они с матерью все обсудили. Мать и сын поняли, что то была божественная сила Будды. Му отныне сам просил Будду о милосердии.

(7) Уроженец округа Уцзюнь Шэнь Шэнь был схвачен и приговорен к казни. Доставленный на место казни, он весь день не смыкая уст повторял имя Гуаньшиня. И тогда занесенный над ним меч рассыпался.

Еще рассказывают, что уроженец округа Уцзюнь Лу Хуэй был брошен в тюрьму и приговорен к смерти. Тогда он велел родственникам соорудить статую Гуаньшиня и так спасти его от смерти. Когда пришло время казни, три раза занесенный над ним меч рассыпался. Чиновник допросил его, и Лу Хуэй отвечал, что то была милосердная сила Гуаньшиня. Пошли посмотреть на статую, и на шее у нее увидели три рубца от меча. Был издан указ о помиловании Лу Хуэя.

(8) Гао Сюню из Инъяна было уже пятьдесят, когда его арестовали за убийство. Его заточили в кандалы и намеревались предать смерти. Заключение тюрьмы сказали Сюню:

— Будем все разом и с тщанием думать о Гуаньшине.

— Мое преступление очень тяжелое. Я приму казнь по заслугам. Мне неоткуда ждать спасения, — отвечал Сюнь. Однако заключенные уговаривали его. Тогда Сюнь поклялся от всего сердца:

— Я отказываюсь от зла и буду делать только доброе, думать о Гуаньшине не переставая. Если мне будет даровано избавление от смерти, я возведу ступу в пять ярусов, жертвуя собой, пойду в услужение сангхе (монашеской общине).

Десять дней кряду Сюнь приносил клятву, и тогда кандалы сами собой раскрылись. Смотритель тюрьмы удивился и так сказал Сюню:

— Уж если божество Будда охраняет тебя, то казнь не должна состояться!

Когда пришел день казни, занесенный над Сюнем меч рассыпался. Был издан указ о его помиловании.

(9) Ши Се слыл ученым. Он чтит Дао и не жаловал Будду. Ши Се говаривал:

— Будда — ничтожное божество, которому и служить-то не стоит!

Всякий раз, когда он видел статую Высокочтимого, то по обыкновению глумился над ней. А потом его разбил паралич — бэри-бэри. Се кому только ни возносил молитвы, но от недуга не исцелился. Его друг Чжао Вэнь посоветовал:

— Блага, дарованные Буддой, — наипервейшие среди благ, даруемых нам! Не попробывать ли тебе изготовить статую Гуаньшиня?!

Болезнь Се ужесточилась, и он по совету друга изготовил статую. Ночью во сне ему явился сам Гуаньшинь, и вскоре болезнь отступила.

(10) У Тан из Люйлина с юных лет любил поохотиться, приманивая животных. Стрелял он без промаха, и семья стала богатеть. Однажды весенним днем он вышел с сыном на охоту. Они набрали на оленуху с олененком. Оленуха-мать почувствовала приближение людей и велела олененку уходить. Но тому был неведом страх, и он подошел прямо к приманке. Тан выстрелил и убил его. Оленуха-мать в неутешном горе ходила кругами и не переставая жалобно стонала. Тогда Тан сам спрятался в зарослях травы, а олененка выставил на открытом месте. Оленуха подошла прямо к этому месту и стала приближаться к олененку, то поднимая, то опуская голову, то припадая к земле, то поднимаясь вновь. Тан прицелился в оленуху-мать. Он натянул тетиву, навел стрелу на цель и выпустил. И вдруг выпущенная из арбалета стрела повернула в обратную сторону и угодила в его сына. Тан отбросил арбалет, обнял сына, гладил его по спине и плакал. И вдруг неизвестно откуда раздался голос:

— У Тан! Разве любовь оленухи к олененку чем-то отличается от твоей любви к сыну?!

Тан затрепетал, услышав сей глас, да так и не понял, откуда он доносится.

(11) Чэн Дэду был уроженцем Учана. Однажды ночью, находясь в Сюньяне, он увидел, что его жилище само собой осветилось. Там было ласточкино гнездо, в котором вдруг появился

птенец этак с чи ростом. Был он белым-белым, вышел из гнезда, подошел к ложу Дэду и произнес:

— Через три года ты обретешь долголетие.

Сразу же стало темно, и птенец исчез. Дэду хранил это событие в строгой тайне.

(12) У господина Чжоу из Пэйго было три сына, и все трое были немые. Однажды появился человек, просивший подаяния. И тут господин Чжоу услышал голоса своих сыновей. Человек их расспрашивал, а они ему как ни в чем не бывало отвечали. Гость спросил:

— У вас, господа, в прошлом были грехи. Быть может, вы вспомните о них?

Господин Чжоу подивился его словам и понял, что это необычный человек. Сыновья долго думали, а потом сказали:

— Никто из нас не помнит прошлых грехов.

— А вы вспомните свои детские годы, — продолжил гость, затем вошел в дом, принял пищу и сказал так:

— Когда вы были малыми детьми, в доме было ласточкино гнездо, а в нем три птенца. Мать кормила их, летала за пищей. Вы дотянулись руками до крыши дома и схватили гнездо. Потом вы разворошили его. Птенцы, как обычно, раскрывали клювы, требуя пищи. Вы сорвали колючки и дали их птенцам. Все они умерли. Мать вернулась и не нашла птенцов. Она жалобно защебетала и улетела. Вы обязаны помнить об этом прегрешении.

Гость преобразился в праведника и молвил:

— Теперь, господа, когда вы раскаялись, вина с вас снимается!

И тут же господин Чжоу услышал, что его сыновья разговаривают, как обычные люди. А праведника не стало.

(13) У Ван Дао, уроженца Хэнэй, было три брата. Однажды все они были больны. В их доме было гнездо сороки. С утра до вечера они летали и стрекотали. Шум стоял такой, что невозможно терпеть. Братья разозлились и договорились, что выздоровеют и утихомят этих птиц. Когда они выздоровели, то схватили этих сорок, вырвали им языки и убили. Все братья онемели.

(14) В Индии жил монах. У него была корова, которая в день давала три шэна (1 шэн — 1,04 л) молока. Один человек попросил у коровы молока, и та ответила:

— В прошлом перерождении я была рабом. Я ела тогда тайком, и теперь эта пища хранится в моем молоке. То, что я даю, имеет предел. Это невозможно отдать все без остатка.

(15) Один попугай прилетел на гору. Птицы и звери на этой горе жили в любви. Попугай порадовался этому, но не мог там

долго оставаться и улетел. Через несколько месяцев на горе вспыхнул большой пожар. Попугай это увидел, вошел в воду и смочил крылья. Он поднялся в небо и стал тушить пожар. Небесное божество его вопрошало:

— Разве же этого достаточно, чтобы исполнить твое намерение?!

— Я знаю, что никого не спасу, — отвечал попугай. — Но я бывал на этой горе. Птицы и звери здесь добрые. Они как братья друг другу. Не в моих силах было безучастно смотреть на происходящее.

Небесное божество расчувствовалось и погасило пожар.

(16) В горах вспыхнул пожар. В горной роще жил фазан. Он вошел в воду и смочил крылья. Затем фазан поднялся в небо и стал гасить пожар. Так он летал туда и обратно до изнеможения, не считая свой труд чрезмерным.

(17) Змей сдох в конце правления династии У (222—280).³

(18) Правитель царства У, Сунь Хао, был по природе жесток и вершил дела, не считаясь с чувствами людей. Вместе с женской прислугой он осматривал дворцовый парк на предмет приведения его в порядок. В земле он вдруг обнаружил золотую статую чрезвычайно величавого облика. Сунь Хао приказал поместить ее в отхожее место, чтобы пользоваться вместо скребка⁴. В восьмой день четвертого месяца⁵ Сунь Хао помочился на голову статуи, при этом со смехом приговаривая:

— Сегодня восьмой день, и вот тебе омовение ко дню рождения!

А потом он стал забавляться со своими прислужницами перед статуей. Через некоторое время его мошонка вдруг вздулась, да так стала болеть, что не было сил переносить. А к утру боль стала такой нестерпимой, что он молил о смерти. Знаменитые врачи применяли лекарства, пытались вылечить его, но ему становилось все хуже. Великий астролог произвел гадание и изрек:

— Причина этого — оскорбление великого божества.

Был издан указ о принесении жертв в императорском родовом дворце. Жертвы были принесены, но опухоль все увеличивалась. Никто не знал, что предпринять.

В женской половине дворца была императорская наложница, которая верила в Будду и была любима императором. Когда она о чем-нибудь рассуждала, то обязательно попадала в точку. Она спросила императора:

— Ваше Величество, Вы молились Будде?

— А Будда — великое божество? — спросил Сунь Хао.

— На небе и под ним нет никого, кто был бы славен больше Будды, — отвечала женщина. — Статуя, которую нашли Вы,

Ваше Величество, все еще находится в отхожем месте. И я прошу Вас взять ее оттуда и поклониться ей. Ваша опухоль непременно исчезнет.

Боль была очень сильной. Сунь Хао приготовил горячей ароматной воды и вымыл статую собственными руками. Он поместил ее в зале. Кланяясь ей и оправдываясь за прошлые прегрешения, он от всего сердца просил о милости. Той ночью боль ослабла, и опухоль тоже уменьшилась. Потом Сунь Хао принял Пять обетов⁶ от Кан Сэн-хуэя и возвел монастырь на большом рынке. Он принес подношения монашеской сангхе.

(19) Во времена Сунь Хао имелось сочинение «Верный путь правителя», где по поводу изложенных выше событий говорится: «Закон Будды должен быть уничтожен. Срединному государству нет пользы от варварских богов!» Сунь Хао приказал собрать всех шрамана и приставить к ним охранников, с тем чтобы затем с ними расправиться. Он призвал закононаставника Кан Сэн-хуэя и изрек:

— Если Будда божество, будем чтить его. Если же в нем нет чудодейственной силы, Вас и монахов ожидает одна судьба.

Кан Сэн-хуэй и монахи ожидали либо смерти, либо изгнания. Тогда Кан Сэн-хуэй устроил пост, и на седьмой день было явлено божество. Медную патру⁷ наполнили водой и поставили посреди залы. Посреди полуденной трапезы патра заблестала ярким светом, и все в зале услышали, что из нее доносится какой-то звук. Так были явлены мощи-шарира. Они плавали в патре и освещали все помещение. Сунь Хао в окружении свиты пришел посмотреть на чудо и от испуга изменился в лице. Он встал с циновки и приблизился к патре. Кан Сэн-хуэй сказал:

— Ваше Величество! Если, применив силу Мэн Бэня⁸, ударить стоцзюневым (1 цзюнь — 18 кг) молотом, то и тогда эти алмазной крепости мощи ничуть не пострадают!

Сунь Хао так и велел сделать. Но прежде Кан Сэн-хуэй пропел гимн, совершил поклонение, разбросал кругом цветы и воскурил благовония. Песнопение гласило:

Святая вера соединит нас с Милосердным,

И он придет, не даст нам сгинуть.

Тогда Закона колесо вращаться будет,

Оставит здесь божественный свой след.

Величия у божества достанет,

Чтобы явить его сейчас.

Иначе...

Три драгоценности навеки захиреют.

Силач взял молот и поднял его над головой. Все, кто наблюдал за этим, задрожали в страхе. Молот от удара разле-

телся вдребезги, а мощи-шарира остались невредимы. Ясный свет исходил от них, и его многоцветие наполнило помещение.

Преисполненный почтения Сунь Хао пал ниц. Он признал свое поражение, приобщился к вере. Он старательно обустроивал посты и проповеди. На месте этого события, к северу от большого рынка Цзянькана (соврем. Нанкин), находится ступа. Впоследствии и она являла благое знамение, излучая свет.

Весной девятнадцатого года под девизом правления Юаньцзя (443) ступа засветилась в ночи. Большой ярко-красный луч исходил от четвертого яруса ступы. А с юго-западной стороны появилось нечто, похожее на хвост фазана. Этот предмет то двигался, то останавливался, и так непрерывно. Свидетельства наблюдавших за ним той ночью одни подлинны, другие не совсем. Но более двадцати дней на городском рынке видели, что на ступе есть большой фиолетовый отсвет.

(20) Сунь Цзо был уроженцем Цзюйяна, что в Циге. Он дослужился до должности главного цензора. У него был сын Чжи по прозвищу Фахуэй. Чжи с малолетства был умен и сообразителен, чтит Закон. В первый год правления династии Цзинь под девизом Сянь-кан (335), находясь в округе Гуйян, Чжи заболел и умер. Было ему восемнадцать лет.

В третьем году под девизом правления Сянь-кан (338) Цзо служил в Учане. В восьмой день четвертого месяца повсеместно возводили молельни-бодхиманда, приглашали монахов помолиться Будде, устраивали посты и совершали ритуальные хождения⁹. Цзо увидел сына в толпе, выходящего из-за статуи. Он окрикнул Чжи; тот ему низко кланялся и подробно рассказал о своем житье-бытье. Вместе с родителями сын пришел в дом. Отец был болен, но Чжи успокоил его:

— Ничего страшного! В пятом месяце Вы выздоровеете. Сказанное им сбылось точь-в-точь.

Для тех, кто говорит, что благодетельно, изгоняя души умерших, спастись от бед, эта история будет полезной.

(21) Мао Дэцзу был уроженцем Инъяна. Его войско было разбито в Цзяннани. Дэцзу бежал окольными путями. Он увидел, что варвары верхом на конях догоняют его, и упал ничком в траву на обочине дороги. Трава была редкая и невысокая — скрывала его только наполовину. Дэцзу был готов принять смерть. Он думал о родных и молча взывал к Гуаньшиню. Внезапно появились тучи, и пошел дождь. Так ему удалось спастись.

(22) Командир отряда Ли Жу усмирил город Хулао, но был окружен варварами династии Северная Вэй (386—534). Положение было критическим, и он подумывал о том, чтобы сдаться. Ночью он вышел из города и увидел спящих вповалку разбойников. Жу стал всем сердцем взывать к Гуаньшиню.

И тогда он миновал то место, где спали бандиты, а затем перешел высохшее озеро. Разбойники стали его преследовать. Жу вошел в заросли травы и еще не успел укрыться в них, как прямо на него понеслось стадо диких лошадей. Жу страшно испугался; всем сердцем сосредоточился он на Гуаньшиине. И лошади вдруг сами разбежались в разные стороны. Жу был спасен.

(23) Было это в одиннадцатом году правления династии Цзинь под девизом И-си (416). Го Сюань из округа Тайюань и Вэнь Чумао из округа Шуцзюнь дружили с наместником области Лянчжоу Ян Шоуцзуном. Заговорщики бросили Шоуцзуна в тюрьму; Сюань и Чумао тоже были закованы в кандалы. После того как они десять дней взывали к Гуаньшииню, ночью в третью стражу (11—1 ч) бодхисаттва явился им во сне и успокоил, сказав, что все предначертано свыше и печалиться не о чем. Тут же они почувствовали, что кандалы сами собой раскрылись. Когда же наступало утро, кандалы вставляли на прежнее место. Так было несколько раз. Два пленника поклялись друг перед другом: если им удастся избежать казни, каждый из них совершит доброе дело, выделив монастырю Шанминсы по сто тысяч монет. Они вместе поклялись в этом, и были вскоре освобождены. Сюань отослал деньги в монастырь, Чумао нарушил клятву — денег не отослал. Варвар Сюнь поднял мятеж. Чумао был при войске. В Чапу в него угодила кем-то выпущенная стрела. Перед смертью он молвил:

— На мне великий грех.

Сказал он так и умер.

(24) Ван Сичжи из округа Ланье, служивший начальником округа Усин при династии Сун (420—479), обладал многими знаниями, любил Лао-цзы и Чжуан-цзы, но не верил в Будду. Его любимым занятием было резать животных. Прежде он служил в гвардии в западных пределах империи Цзинь. Ему очень нравилось угощать гостей, и на этот случай у него была пара привезенных с собой петухов. Сичжи любил понаблюдать за ними, считая, что так он постигает их нрав. Ночью во сне он вдруг увидел петуха со свитком из этак десяти (склеенных) листов в клюве. Он взял посмотреть свиток — в нем толковались дурные и добрые поступки. Наутро Сичжи наяву увидел свиток. То была сутра Будды. После этого Сичжи больше не убивал, верил искренне, как никто другой. А потом он стал богат и знатен.

(25) Наместник в области Ичжоу Го Цюань был уже более двадцати лет мертв, когда в восьмом году под девизом правления Юань-цзя (432) он в экипаже проследовал по дороге, та-

кой же, как при жизни. Цюань объявился в доме своего зятя Лю Ичжи и сказал:

— Моя участь еще не решена. Приложите все усилия, чтобы созвать собрание сорока девяти монахов и устроить им трапезу. Тогда мне удастся спастись.

Цюань закончил говорить, и вдруг его не стало.

(26) Юй Вэнь возил соль в Южных морях и попал в шторм. Он стал думать про себя о Гуаньшиине, и ветер стих, волны улеглись. Вэнь был в безопасности.

(27) Чэн Даохуйэ, про прозванию Вэньхэ, был уроженцем Учана. Его семья исстари не веровала в Будду, из поколения в поколение чтит закон Дао. Всякий раз, когда шрамана приходили к Вэньхэ за подаяниями, он осыпал их попреками, рассуждая при этом так:

— В поисках истины и постижении ее проявлений никто не превзошел Лао-цзы и Чжуан-цзы.

А потом он заболел и умер. Повстречавшись с Яньло-ваном¹⁰, он уразумел, что закон Будды достоин почитания, и стал поклоняться Будде.

(28) В восьмом году под девизом правления Юань-цзя (432) в городе Пубань округа Хэдун разразился большой пожар. Ничего не удалось спасти. Только обитатели чистоты — монастыри остались более или менее невредимы. Также оказались нетронутыми сутры и статуи в домах мирян. Народ подивился на это чудо, и числом вдвое более прежнего открылся вере.

(29) Жена Чэнь Сюаньфана госпожа Чжан истово поклонялась Будде. Ее вечным желанием было сотворить золотую статую. Она жертвовала всем, дабы осуществить свое желание. На этом она сосредоточила все свои помыслы, и вдруг по прошествии долгого времени она увидела золотую статую Гуаньшииня. Статуя излучала луч света в пять чи и стояла на высоком постаменте.

(30) Мать Чжан Дао госпожа Ван была преисполнена искренней веры. В восьмой день четвертого месяца во время трапезы она почувствовала, что ей дарованы **мощи-шарира**. Из рта ее лился свет, и его блики отражались в чаше с едой.

(31) Чжэн Сянь по прозванию Даоцзы был превосходным физиогномистом. Он знал, что жизнь его коротка, и не надеялся ее продлить. Ночью во сне он увидел шрамана и спросил, как продлить жизнь. Шрамана ответил:

— Соблюдайте шесть постных дней (в месяц), отпустите на волю животных, думайте о добром, придерживайтесь постов

и исполняйте обеты! Так вы сможете продлить свой век и обретете счастье!

После этого Сянь стал чтить Закон и прожил долгую жизнь.

(32) Лю Шичжи из города Пэнчэна сделал пожертвования и отлил статую. Неизвестно как статуя пропала, и Шичжи не знал, где ее искать. Шичжи ночи напролет думал о том, что то была плата за его прегрешения. В своих мыслях он проник по ту сторону бытия. По прошествии ста дней его статуя вдруг сама собой оказалась на постаменте. Божественный свет озарил помещение. Вся семья возрадовалась и пуще прежнего укрепилась в вере.

(33) Уроженец города Пэнчэн Лю Имин с малолетства был приверженцем Конфуция. Исполняя траур по родителям, он прославился своей сыновней почтительностью. Семья Имина была бедной. Им подарили хижину в роще на западе гор Лушань. Имин часто болел и, не считаясь с женой и детьми, подолгу пропадал там. С чистыми помыслами он предавался самосозерцанию. В продолжение полугода он видел сначала брови, затем один глаз Будды, затем пробор в его волосах и, наконец, увидел его всего. Говорили, что то была картина. Увидел он одного праведника, который поднес ему блестящий шарик. После этого Имин выздоровел.

(34) Варвар Хэлянь Бобо¹¹ захватил область Цзичжоу. В ее пределах были истреблены и праведники, и миряне. Свирепый и буйный от природы, Хэлянь Бобо в жажде убийства не знал удержу. Он добрался до Гуанчжуна. Число убитых перевалило за половину населения. Кости женщин и младенцев громоздились горами. Хэлянь Бобо в истреблении находил высшее наслаждение. Тогда он сказал:

— Я, Бобо, являюсь Буддой среди людей! Именно мне надлежит поклоняться!

Тут же начертали образ Будды и повесили Бобо на спину. Он восседал так во дворце, а шрамана государства приказал:

— Кланяясь образу на моей спине, вы будете поклоняться мне!

А потом Бобо отправился на прогулку. Поднялся ветер и нагнал тучи: вокруг темным-темно, и обратной дороги не отыскать. Сверкнула молния, и загромыхал гром, сразив Бобо насмерть. После того как его захоронили, молния пронзила его могильный холм до самого гроба. Вытащили наружу его труп. На спине была надпись: «Злой, беспутный» и так далее. Люди государства ликовали, удостоверившись в его смерти. Вскоре жены и дети, к которым перешел скипетр предводителя дикарей с косичками, были подвергнуты казни.

(35) В граде Е области Сянчжоу есть медная статуя стоящего Будды высотой в один чжан (1 чжан — 3,3 м) и шесть чи¹². Разбойники динлины¹³ нрава были жестокого и необузданного, не имели веры в сердце. Из арбалетов они принялись стрелять в лицо статуи. Кровь полилась ручьями и оставила след на тех драгоценных камнях, которыми была украшена статуя. А еще отобрали пятьсот силачей и приказали им опрокинуть статую на землю, чтобы затем переплавить ее на медь и пустить эту медь на изготовление оружия. И тогда из уст статуи раздался крик, подобный раскату грома. Силачи перепугались до полусмерти, а люди грохнулись оземь и ползали, не в силах подняться от страха. Те, кто были заодно с бандитами, устыдились, и все обратились в веру. А динлины потом кто от болезни, кто был казнен — все умерли.

«ДОСТОПАМЯТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ»

(«Цзин и цзи»)

(1) Во времена династии У (222—280) в Цзянь (соврем. Нанкин) в укромном месте заднего парка императорского дворца обнаружили золотую статую. Стали доискиваться, каково ее происхождение, и выяснили, что она изготовлена при царе Ашоке, что соответствует началу правления династии Чжоу (XI в. — 256 г. до н. э.)¹⁴. Пребывала же статуя при дворе, правящем на Янцзы. Как знать, почему она там оказалась?! Ведь при династиях Цинь (221—207 гг. до н. э.), Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и Вэй (220—265) закона Будды не было в южных пределах Срединного государства. Как же случилось, что статуя была захоронена в земле?!

Сунь Хао стал обладателем статуи, но был лишен веры. Он отнесся к ней не слишком почтительно: поместил в отхожее место и держал вместо скребка. В восьмой день четвертого месяца он пришел справить нужду и решил позабавиться.

— Это и будет омовением Будды в восьмой день! — сказал Хао и помочился на голову статуе. Сразу же он стал опухать, а в срамном месте опухоль была самой большой. Хао кричал и звал на помощь, не в силах стерпеть боль. Великий астролог произвел гадание и изрек:

— Это является следствием оскорбления, которое было нанесено великому божеству!

Тут же принялись приносить жертвы божествам, но они не дали результата. Дворцовая наложница, искренне верившая в Будду, сказала правителю:

— Будда — великое божество. Ваше Величество, Вы осквернили Будду, и ныне в опасности. Ваше Величество, попросите у него прощения!

Хао поверил ей. Он бил челом об изголовье, вверяя себя Будде, каялся и почтительнейше просил о милости. Через некоторое время ему полегчало. Тогда Хао в конном экипаже встретил шрамана Кан Сэн-хуэя и доставил во дворец. Ароматной водой он омыл статую. Хао глубоко раскаялся в содеянном, умножая религиозные заслуги, щедро облагодетельствовал монастырь Цзяньаньсы. Боль в потаенном месте понемногу прошла.

(2) В первый год правления династии Западная Цзинь (265—316) императора Минь-ди (313—316) под девизом Цзяньсин (313) в устье реки Худу в уезде Усянь округа Уцзюнь было много рыбаков. Они увидели двух человек, плывущих по морю, и подумали, не есть ли то морские божества. Позвали шамана прочесть заклинания и подготовить жертвенное животное для встречи тех божеств. Поднялся ветер, и море **разбушевалось**. Шаман испугался и убрался восвояси. Еще там были последователи учений Пяти доу риса, Желтого императора и Лаоцзы¹⁵.

— Это небесные наставники, — утверждали они, и все вместе пошли навстречу божествам. Как и раньше, поднялась буря. Читвший Будду мирянин Чжу Ин из уезда Усянь прослышал о случившемся и воскликнул:

— Не великое ли прозрение ниспослано нам?!

Тогда он исполнил обет очищения и вместе с монахинями-бхикшуни монастыря Дунлинсы и несколькими людьми, верившими в Будду, пришел к устью реки Худу. Склонив головы, они пошли навстречу божествам. Ветер стих, и море было покойно. Два плывущих человека на волнах прилива приближались к берегу и были видны все отчетливее. То были каменные статуи. Думали, что поднять статуи даже силачам не под силу, но попробовали — и легко их подняли. Их тут же погрузили на тележку и отвезли в монастырь Тунсюаньсы. На спине одной статуи была вырезана надпись Випашьин¹⁶, а на спине второй — Кашьяпа¹⁷. Никто не смог разобрать надпись об императоре и эпохе правления, однако следы ее были видны отчетливо. Высота каждой статуи была семь чи. В монастыре возвели трон Закона и хотели установить на нем обе статуи. Как ни пытались несколько десятков человек сдвинуть статуи с места, им не удалось. Тогда перед этим к статуям обратились с просьбой — и они легко стали на место.

О происшедшем представили доклад двору. Толпа мужей, уповающих на Будду, заполнила девять из десяти помещений монастыря. Шрамана Ши Фа-кай, сам пришедший из западных краев, поведал, что в сутрах говорится о двух статуях в землях Востока. Во времена, когда царь Ашока возводил ступы, такие статуи подносили в дар при ритуале представления императору. Тем самым устраняли накопленные грехи.

В отдельной биографии говорится, что двенадцать индусов-шрамана отправили статуи в округ Уцзюнь. Эти статуи и не тонули в воде. Об этом был доклад трону, и вышел указ оставить их в округе Уцзюнь.

(3) Во времена династии Цзинь на берегу Янцзы в Янчжоу обитало божество озера Гунтинху. Было оно очень жестоким и злым. В то время жил также странствующий монах из рода брахманов по имени Фа-цзан, который превосходно читал заклинания — дхарани, изгоняющие злые существа. Тому имелись многие свидетельства. К тому же был юный монах, который обучался у Фа-цзана заклинаниям. За несколько лет ученик добился успехов и также был способен подчинять себе все дурные и злобные существа. Поэтому он отправился в храм божества озера Гунтинху провести там ночь за чтением заклинаний и повергнуть божество ниц. Той ночью божество появилось, и юный монах умер. Наставник Фа-цзан услышал о том, что его ученик умер за чтением заклинаний, и был разгневан. Однажды ночью он сам пошел в храм божества. С гневом в голосе читал он заклинания, но божество появилось, и наставник тоже встретил свою смерть.

В том же монастыре был монах, который превосходно владел учением Мудрости-праджня. Он узнал, что наставник и ученик оба умерли, и пришел к тому месту, где обитало божество. Ночью в храме он читал Алмазную сутру (Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутра). В середине ночи он услышал сильный шум ветра и вскоре увидел огромное существо, которое вызывает страх и изумление. Существо было необыкновенное и страшное, с острыми длинными зубами и глазами, сверкающими, как молния. А обо всех разного рода превращениях божества и рассказать невозможно... Монах сидел прямо и сосредоточенно читал сутру, не отрываясь ни на мгновение. Он не ощущал страха и всем своим видом это показывал. Увидев его спокойную наружность, божество усмирило свою грозную силу. Оно подошло к монаху, преклонило правое колено и, сложив руки, с почтением до самого конца внимало сутре. Монах спросил:

— Благодетель-данапати¹⁸! Что вы за божество? Вначале Вы были таким грозным, а теперь такой послушный.

— У меня, мой учитель, дурная карма. Это и есть мое воздаяние — быть божеством этого озера. Но я чту и уповаю на Вас, учитель, — ответило божество.

— Если Вы так преданны и почтительны, то откуда появилось у Вас желание убить тех двух монахов?! — продолжал расспросы наставник в сутре.

— Причина смерти двух ваших предшественников в том, что они не овладели сутрами Махаяны. Со злобным сердцем читали они заклинания. Когда я появился, они осыпали меня

бранью, желая унижить дурными словами. Но Ваш ученик не подчинился, и тогда, узрев мое дурное обличие, они умерли от страха. У Вашего ученика не было намерения убивать тех двух монахов, — отвечало божество.

Монахи и миряне из ближайших окрестностей знали, что два монаха были убиты. Они думали, что и этот монах уже мертв. Собравшись вместе, они пошли посмотреть. И вот они видят, что он в безопасности, а вид его безмятежен. Люди были удивлены до чрезвычайности и принялись наперебой расспрашивать монаха, в чем причина его счастливого избавления. В своем ответе монах объяснил случившееся во всех подробностях: причина воистину в грозном величии Мудрости-праджня, а Святое учение истинно. После этого люди обратились к овладению сутрами Мудрости-праджня.

(4) Во времена династии Северная Вэй (386—534) в монастыре Сяньцаосы, что на горе Человеческая Голова пика Тай¹⁹, жил монах Чжи-чжань. Он был уроженцем уезда Шаньжэньсянь, что в Цичжоу. Его наставником был досточтимый Лан. Чжи-чжань был безупречного поведения, несуетлив и немногословен. Монастырь Сяньцаосы, при котором он состоял монахом, был основан Гунабхадрой²⁰. Чжи-чжань странствовал в окружении диких птиц и зверей: они не боялись и не убегали от него. Чтение сутры Цветка Закона (Саддхарма-пундарика-сутра) было его постоянным занятием. Когда Чжи-чжань заканчивал свои дни, шрамана Бао-чжи²¹ доложил династии Лян (502—557) императору У-ди (502—549):

— На Севере в монастыре Сяньцаосы, что в уезде Шаньжэньсы, живет монах. Это святой — сротапанна²². Ныне он вступает в нирвану.

Праведники и миряне в Яндоу узнали о докладе Бао-чжи трону и издалека отправились к нему на поклон. Чжи-чжань закончил жизнь, сидя в прямой позе. На каждой из рук у него было раскрыто по одному пальцу. Там был монах с запада Индии, который объяснил:

— Если бы это был святой, обретший второй плод, то на каждой руке у него было бы раскрыто по два пальца. Чжи-чжань раскрыл по одному пальцу. Это означает первый плод.

Все собравшиеся на горе Человеческая Голова возвели ступу и упокоили в ней Чжи-чжаня. Птицы и звери не осквернили его останков. Они на том же месте по сию пору.

А еще в области Юнчжоу был один монах, который также зачитывал сутру Цветка Закона. Он жил отшельником на горе Белого Оленя. О нем заботился один отрок, который приходил к нему с подношениями. Когда он умер, его останки лежали под горой и все сгнили. Только язык долгие годы оставался невредим.

(5) В первый год правления династии Вэй основателя (император Сяо-вэнь-ди; годы правления: 471—499) под девизом Тай-хэ (477) в столице Северных династий (г. Пинчэн) был подвергнут осклоплению чиновник. Чиновник скорбел о своем увечье, сторонился людей. Он подал прошение об отставке с тем, чтобы уйти в горы и совершенствоваться в постижении Учения. Вышел указ разрешить ему отставку. У чиновника был один раздел Аватамсака-сутры. Он зачитывал ее днями и ночами, приносил покаяния, не отрываясь ни на мгновение. С наступлением лета он ушел в горы. К концу шестого месяца у него появилась растительность на лице, а затем мужской признак. Его мужские достоинства стали в точности такими же, как и прежде. Обо всем случившемся был извещен император. Он умножил веру. Внутренний дворец (жен императора) пришел в изумление. Аватамсака-сутра пустила пышные всходы в государствах Северных династий.

(6) В начале правления династии Ци (479—501) императора Гао-ди (479—482) шрамана Ши-гун — муж, обитающий на вершинах гор Суншань, из рощи направился на гору Белого Оленя и заблудился в дороге. Миновал полдень, когда он вдруг услышал звон колокола. Ши-гун пошел туда, где звонил колокол, и был уже совсем близко, когда путь ему преградил скалистый пик. Он взобрался на него и достиг цели. Ши-гун увидел монастырь, одиноко стоящий в густой роще. Ворота монастыря выходили строго на юг, были ослепительно красивы. А перед воротами он увидел деревянную доску с надписью: «Монастырь гриба долголетия». За воротами было пять-шесть псов размером с быка, с белой шерстью и черными мордами. Одни ходили, другие лежали, косясь глазом на Ши-гуна. Ши-гун испугался и отошел. Вскоре он увидел откуда-то пришедших монахов-варваров. Ши-гун позвал их. Они не ответили и даже не повернули головы, а прямо вошли в ворота. Псы последовали за ними внутрь. Долгое время Ши-гун больше не видел людей. Он тихонько прошел в следующие ворота. Кругом во всех помещениях двери и окна были открыты. Ши-гун подошел к зале для проповедей и увидел только плетеные топчаны и высокое сидалище внушительного вида. Он вошел с юго-западной стороны и сел на топчан. Прошло много времени, и вдруг Ши-гун услышал шум, доносившийся откуда-то с вершины опорного столба залы. Он поглядел наверх и увидел: через отверстие величиной с колодец один за другим слетают вниз бхикшу (странствующие монахи). Их прибыло пятьдесят — шестьдесят человек. Они заняли отведенные места и стали расспрашивать друг друга о том, кто из каких мест присутствует сегодня на трапезе. Называли Юйчжан, Чэнду, Чаньань, Лунью, Цзибэй, Линнань, Пять стран Тяньчжу²³ и многие другие. Не было мест, откуда бы не прибыли бхикшу, пусть даже

за десять миллионов ли (1 ли — 0,5 км). Самым последним спустился с неба один монах, и все стали его спрашивать, почему он так поздно. Тот отвечал:

— Сегодня в монастыре Биань на востоке города Сянчжоу наставник в дхьяне Цзянь читал проповедь в собрании. Каждый предлагал собственное толкование. Один весьма смысленный молодой человек задавал трудные вопросы. Его остроумные высказывания были так интересны, что я и не заметил, как наступил вечер.

Наставник в дхьяне Цзянь был в прежние времена отцом-наставником²⁴ Ши-гуна. Ши-гун надеялся принять участие в общем разговоре, дабы продлить свое пребывание в этом изысканном обществе. Он привел в порядок платье, встал и обратился к собранию со словами:

— Цзянь — мой отец-наставник.

Монахи лишь взглянули на Ши-гуна, и монастыря, в котором он только что находился, не стало. Он одиноко сидел на камне у срубленного дерева, а там, где стояли монастырские строения, ничего не было. Лишь стая птиц парила над ущельем и нарушала тишину своим щебетом.

Покинув горную обитель, Ши-гун повстречался с закононаставником Шан-туном, и тот ему сказал:

— Этот монастырь возведен закононаставником Фо Ту-дэном²⁵ во времена правления Ши Ху (333—349) династии Поздняя Чжао (319—350). То было в давние года, и обитали в нем мудрецы и святые. Они жили в монастыре не как обычные монахи. Одни плавали на лодках, другие уединялись в горах, проводили жизнь в странствиях и не имели постоянного жилища.

И ныне путники слышат звон колокола в тех горах.

(7) В правление династии Ци императора У-ди (483—493) один человек копал землю у подножья горы Дунканьшань в Бинчжоу и натолкнулся на останки отшельника. Они были желто-белого цвета. Человек и те, кто были поблизости, пришли в удивление. Разглядывая останки, они увидели одну необычную вещь. Обе губы и язык между ними были ярко-красного цвета. О случившемся доложили правителю. Справились у даосов, но те ничего не знали. Шрамана-закононаставник Датун доложил трону:

— Это — чтец сутры Цветка Закона. Всякому, кто зачитал ее тысячу раз, будут явлены такие знаки!

Тогда правитель приказал своему секретарю Гао Чжэню:

— Вы, сударь, будете моим доверенным лицом. Пойдите и удостоверьтесь во всем сами! Если будет явлено чудо, то распорядитесь перенести останки в подобающее место и устройте пост с подношениями.

Во исполнение приказа Чжэнь прибыл на место. Там собрались шрамана — чтецы сутры Цветка Закона. У каждого

в руках был сосуд с благовониями, приготовленными для возжигания и омовения. Они читали заклинание:

Те времена от нас уже далеко,
Когда вступил в нирвану Будда.
Ныне Закон подобия²⁶ повсюду обретает.
И дабы даровать его престолу без огрехов,
Пусть будет явлено нам чудное знаменье!

Едва были произнесены первые слова заклинания, как губы и язык одновременно задвигались. Они хотя и не издали ни звука, но как будто читали сутру. У всех, кто это видел, волосы встали дыбом. Чжэнь обо всем происшедшем известил правителя. Был издан указ захоронить останки в каменной гробнице и перенести в горную хижину.

(8) В начале правления династии Вэй (534—550) в годы под девизом правления Тянь-пин (534—557) вербовщик Сунь Цзундэ отправлялся на защиту северной границы. Он отлил золотую статую Гуаньшииня и намеревался, вернувшись через год, совершить поклонение бодхисаттве. А потом Цзундэ вопреки приказу отступил перед грабителями и разбойниками. Его заточили в столичную тюрьму. Цзундэ не выдержал пыток, и его приговорили к казни через отрубание головы. Казнь была назначена на следующее утро. В ту ночь Цзундэ кланялся и каялся бодхисаттве, лил слезы ручьями. Он говорил бодхисаттве:

— Ныне тело мое истерзано. Это за то, что в прошлом я истязал других. Я даю обет, заплатив сполна свои долги, более такого не совершать.

Прошло немного времени после того, как он это сказал, и вдруг ему будто во сне является шрамана, читающий нараспев сутру о спасителе всех существ Гуаньшиине. Имя Будды, приведенное в сутре, Цзундэ должен повторить тысячу раз, и тогда будет вызволен из беды. Цзундэ вдруг почувствовал, что путы, которые прежде связывали его, более не препятствуют ему подняться из почтительности. Время близилось к рассвету, и когда охранник повел его за веревку на рыночную площадь, Цзундэ успел произнести имя только сто раз. Он повторял его по дороге и перед самой казнью, успев произнести тысячу раз. Палач опустил меч, но тот сломался на три части, не оставив на теле Цзундэ никакого следа. Сменили меч, и он снова сломался. Было так трижды, и все три раза меч ломался, как прежде. Чиновники, надзиравшие за казнью, подивились на это чудо. Обо всем происшедшем был извещен двор. Канцлер Гао Хуань подал прошение по этому делу, и вскоре Цзундэ был помилован. Высочайше утвержденная рукопись той сутры дошла до нас. Ныне она называется «Сутра высокочтимого правителя Гуаньшииня».

Цзундэ вернулся домой и принял пост во исполнение обета. Подойдя к статуе, он увидел на ее шее три раны от меча. Селяне, жившие по соседству, тоже это видели и удивлялись, сколь сострадателен бодхисаттва.

(9) В монастыре Ухоусы уезда Фаньян жил монах, имя которого утеряно. Он постоянно читал нараспев сутру Цветка Закона. Его тело временно захоронили под насыпью, а потом перенесли на место погребения. От него остались только иссохшие кости, и лишь язык был невредим.

(10) В начале правления Северной династии Вэй жил наставник в дхьяне Чэн. Он принял на свое попечение сутру Цветка Закона и неустанно трудился на этом поприще. На исходе жизни Чэн был на содержании в семье господина Се из Хэдуна, а по смерти стал его пятым сыном. Сын от рождения мог говорить и перечислять по порядку свои предшествующие существования. Он не стремился к мирскому и суетному. Его отец вступил в должность наместника в Сычжоу и в пути следования на новое место службы остановился в монастыре Цидисы, что в Чжуншани. Там мальчик встретился с учеником этого монастыря и разговаривал с ним так:

— Разве ты не помнишь, как следом за мной переправился через реку и направился на Волчью гору? Я есть наставник в дхьяне Чэн! Вынесите из комнаты этот столик с погребальной табличкой!

Отец с матерью испугались, что их сын уйдет в монахи, и не выпускали его из дома.

Потом он стал забывать события предшествующего перерождения, но радовался жизни вдали от соблазнов, придерживался принципа недеяния, жил безмятежно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Восемь заповедей* — обеты мирянина, включающие помимо пяти основных обетов (см. далее примеч. 6) также следующие запреты: не пользоваться косметикой и украшениями и не увлекаться танцами и музыкой; не спать на мягком ложе; не употреблять пищу в неурочное время.

² *Небо Тушита* — небесное царство Будды Майтрейи до его появления на земле; место, где перерождаются бодхисаттвы до их появления на земле в качестве будд.

³ Краткая аллюзия на популярную легенду того времени о божестве-змее озера Гунтинху (близ соврем. г. Нанкин); в одном из ее вариантов, связанном с парфянским миссионером Ань Ши-гао (II в.), см.: Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Пер. с кит., исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермакова. Т. I (Раздел I: Переводчики). — М., 1991. С. 103—104; в другом варианте см. здесь далее «Достопамятные происшествия».

⁴ *...пользоваться вместо скребка* — бамбуковая лопаточка обычно использовалась для нужд личной гигиены в практике буддийского монашества.

⁵ *Восьмой день четвертого месяца* — День рождения Будды Шакьямуни, совместно празднуемый монашеской общиной и мирянами; о содержании этих празднеств см. далее в тексте ряда коротких рассказов.

⁶ *Пять обетов* — запреты на убийство, кражу, прелюбодеяние, ложь, употребление вина, налагаемые на буддиста-мирянина.

⁷ *Патра* — чаша строго регламентируемых размеров, используемая монахом для сбора подаяний и принятия пищи.

⁸ *Мэн Бэнь* — легендарный герой китайской древности, отмеченный невероятной физической силой и отвагой, граничащей с дерзостью.

⁹ *Ритуальные хождения* — прохождение процессии вокруг буддийской статуи; элемент ритуальной практики китайского буддизма.

¹⁰ *Яньло-ван* — санскр.: Ямараджа — повелитель подземного царства,ладыка ада; в раннем китайском буддизме наделялся также функцией Главы загробного суда.

¹¹ *Барвар Хэлянь Бобо* — предводитель ордосских сюнну, основавший в западной части Северного Китая династию Ся (407—431); заметим, что сдвоенный иероглиф «бо», составляющий его имя в китайском написании, имел основное значение — «будда».

¹² Статуя Будды высотой в один чжан и шесть чи — стандартный размер стоячей буддийской статуи; соответствует трем человеческим ростам.

¹³ *Динлины* — кочевые племена, угрожавшие Китаю набегами с Севера; находились в зависимости от сюнну.

¹⁴ *...при царе Ашоке, что соответствует началу правления династии Чжоу* — явный анахронизм, поскольку период правления царя Ашоки (268 г. до н. э.—231 г. до н. э.) отделяли от периода основания династии Чжоу (XI в. до н. э.) в Китае приблизительно восемь столетий; царь Ашока из династии Маурьев (317 г. до н. э.—180 г. до н. э.), объединившей большую часть Индии (кроме крайнего юга Декана) и земли к западу от нее в единую империю, всемерно способствовал распространению буддизма в своем государстве и за его пределами.

¹⁵ Учения Пяти доу риса, Желтого императора и Лао-цзы — различные направления даосизма.

¹⁶ *Випашьин* — первый из семи будд, предшествовавших Будде Шакьямуни.

¹⁷ *Кашьяпа* — один из десяти ближайших сподвижников Будды Шакьямуни, отмеченный мудростью и приверженностью монашеской аскезе.

¹⁸ *Благодетель-данапати* — уважительное обращение монаха к буддисту-мирянину, совершающему подношения и пожертвования сангхе.

¹⁹ *Пик Тай* — гора Тайшань; первая по значению из пяти священных гор Китая; находится на территории соврем. пров. Шаньдун.

²⁰ *Гунабхадра* (393—468) — индийский миссионер, прибывший в Китай в 436 г., известный проповедник и переводчик буддийских сочинений, участник ряда политических событий, происходивших при династии Южная Сун (420—479); биографию см.: Хуэйцзяо, *Жизнеописания...*, с. 189—193.

²¹ *Бао-чжи* (ок. 440—515) — монах, пользовавшийся особым влиянием при дворе в первые годы правления императора У-ди династии Лян (502—557).

²² *Сротанна* — низшая из четырех степеней (плодов) святости на пути к нирване. Помимо сротанна, т. е. «вступившего в поток», или на путь к спасению, по степени святости различаются: сакридагамин, т. е. «тот, кто вернется еще один раз», или вступит в последнее перерождение; анагамин, т. е. «тот, кто не придет», или пребывает в последнем перерождении; архат, т. е. святой, достигший высшего состояния или нирваны при жизни. В последней и высшей степени святости — архатстве — состоит религиозный идеал буддизма Хинаяны. Заметим, что следующее затем в тексте рассказа утверждение о том, что монах, достигший первой степени святости, по смерти вступает в нирвану, следует счесть не более чем метафорой.

²³ *Пять стран Тяньчжу* — в ряде китайских источников наряду с привычным обозначением Индии как страны Тяньчжу употребляется и такого рода обозначение, четко разделяющее Индию на Восточную, Западную, Южную, Северную, а также Центральную.

²⁴ *Отец-наставник* — употребленное здесь китайское понятие «хэшан» в зависимости от контекста допускает два несовпадающих по значению перевода: 1) «отец-наставник», т. е. монах — духовный наставник послушника, готовящегося к принятию обетов; 2) «преподобный отец», т. е. монах — духовный пастырь буддистов-мирян; уважительное обращение мирянина к монаху.

²⁵ *Фо Ту-дэн* (ум. в 349 г.) — индийский миссионер, способствовавший внедрению буддизма в пределах владений династии Поздняя Чжао (319—350), основанной племенами цзе на территории Северного Китая; его деятельность была отмечена приверженностью к магической, прогностической и иной чудодейственной практике.

²⁶ *Закон подобия* — согласно общепобуддийским представлениям, с вступления Будды Шакьямуни в нирвану до пришествия в мир нового Будды проходят периоды Истинного (пятьсот лет), Подобного (тысяча, реже пятьсот лет) и Конечного (десять тысяч лет) Закона. Таким образом, распространение буддизма в Китае приходится (и во многом определяет) период Закона подобия.
